

ВЛАДИМИР БОНДАРЕНКО

Главный редактор газеты “День литературы”

МУДРОСТЬ И МУЖЕСТВО

Станислав Куняев и “Наш современник” — четверть века вместе

В 1836 году наш светлый гений Александр Сергеевич Пушкин приступил к изданию первого национального русского литературного журнала “Современник”. Спустя 120 лет, в 1956 году как продолжение идей и планов Пушкина было возобновлено издание этого русского литературного журнала под названием “Наш современник”. Станислав Юрьевич Куняев возглавил этот ведущий литературный журнал в самые сложные, трагические для России и русской литературы переломные годы “перестройки” по инициативе и при активной поддержке писателей В. Белова, Ю. Бондарева, С. Викулова, В. Распутина.

На посту главного редактора с 1989 года и по сей день он в полной мере проявил себя как продолжатель лучших национальных государственно-патриотических традиций. Неслучайно в статье “Пушкин — наш современник” Куняев настойчиво проводит мысль о несомненной преемственности этих двух журналов, пушкинского и куняевского: “Там русский дух! Там Русью пахнет!..”

Когда возникла мысль о назначении Станислава Куняева главным редактором журнала “Наш современник”, этому отчаянно сопротивлялся злобный Александр Яковлев — тогдашний главный идеолог КПСС, один из “архитекторов перестройки”. По легенде, к Горбачёву пришли Бондарев, Белов и Распутин. Стали уговаривать генсека, чтобы он согласился на это назначение. Яковлев возражал. Тогда Горбачёв сказал Яковлеву: “Саша, я пошёл тебе навстречу, когда ты просил Коротича поставить на “Огонёк”, а Бакланова — на “Знамя”, давай русским отдадим, бросим эту кость...” Вот и бросили эти разрушители кость русским, недопонимая важность хоть одного русского национального очага в культуре слова: “Из искры разгорится пламя!” Сейчас русское пламя уже бушует по всей России, иные молодые патриоты и не помнят, причём тут “Наш современник”. Но русский огонь полыхает. Это и есть итог куняевской деятельности на посту главного редактора “Нашего современника”.

К примеру, в 1996 году тираж журнала был в 5 раз меньше, чем тираж “Нового мира”, в два раза меньше, чем у “Знамени” и “Дружбы народов”. А через 20 лет, в 2010-м, мы уже видим совсем иное соотношение: складываем вместе тиражи всех либеральных журналов — “Нового мира”, “Знамени” и “Дружбы народов” — и получаем в сумме тираж “Нашего современника”... Русские читатели своей подпиской голосуют за национальное направление в русской литературе.

Остаётся ждать, когда же наши кремлёвские власти будут проводить политику, соответствующую истинным настроениям русского народа.

Уже двадцать пять лет Куняев руководит журналом. Так долго не возглавляли журналы ни Александр Твардовский, ни Михаил Алексеев, ни Всеволод Кочетов, ни Анатолий Иванов. Да ещё в такой сложнейший период времени. По сути, весь период так называемой перестройки, период развала и крушения Русской Державы. Держава выдержала, но несколько скукожилась, уменьшилась в размерах, в мощи, в экономике, в культуре, наконец. Журнал “Наш современник”, неотъемлемая часть Русской Державы, тоже перетерпел и лишения, и страдания, терял и тираж, и авторов, но, несмотря на всё, выстоял и уже много лет является лидером по подписке среди всех литературных так называемых “толстых” журналов. Неслучайно в своём приветствии главному редактору журнала Святейший Патриарх Московский и Всея Руси Кирилл писал: “Возглавляемый Вами журнал в течение двух десятилетий остаётся знаковым явлением нашей культуры. Вы всегда живо откликнулись на все социальные изменения, происходившие в России...” При этом Патриарх отметил: “Отраднo, что в своём служении слову Вы неизменно поддерживали Русскую Православную Церковь, стремились хранить верность евангельской правде, утверждать в сознании Ваших многочисленных читателей высокие христианские идеалы”. Славное подтверждение выбранной линии журнала!

Однако в так называемом “Журнальном зале”, интернет-издании, отслеживаемом все публикации в “толстяках”, почему-то “Нашего современника” нет. Кто бы мне ответил, почему такая дискриминация? Какой-то расизм по отношению к явному журнальному лидеру. Да и в других рекламных акциях, на книжных фестивалях и ярмарках, на стендах литературных журналов никогда не бывает “Нашего современника”. Этот журнал всегда в привычной для себя круговой обороне. Впрочем, и сама Россия тоже в так называемом “цивилизованном мире” держит круговую оборону.

Когда-то в авторский актив журнала вошли, пожалуй, все знаменитые писатели России, от Леонида Леонова и Виктора Астафьева до Гавриила Троепольского и Бориса Можаева. Куняев писал: “Так что мы гордимся именно тем, что пушкинские традиции в середине истекшего XX века продолжили лучшие писатели. Вспомним известные произведения, ставшие фундаментом для русской культуры и литературы XX века, такие как “Лад” Василия Белова, “Прощание с Матёрой” Валентина Распутина, замечательные романы Юрия Бондарева, военные и о послевоенной жизни, “Пирамиду” Леонида Леонова и многие другие. На этом фундаменте стоит и сегодняшний “Наш современник” в начале XXI века”.

Но и взлёт великой народной культуры давно прошёл, оставив в закрытых мировой литературы десяток-другой общепризнанных шедевров Юрия Бондарева, Василия Белова, Виктора Астафьева, Николая Рубцова, Валентина Распутина, Василия Шукшина, и сама страна радикально изменилась, охотно перечеркнув своё пусть и трудное, но славное прошлое, и уж русской национальной литературе и вовсе места нигде не оставили, а журнал “Наш современник” всё держится. Тянутся к нему по-прежнему люди, чувствуя в нём живую жилку русской национальной мысли, русской национальной литературы.

Тянутся не только писатели, но актёры, режиссёры, скульпторы, художники. В журнал нёс всё своё заветное великий скульптор Вячеслав Клыков, здесь свою “Россию распаятую” печатал художник Илья Глазунов, свои мемуары в журнал отдавали Татьяна Доронина, братья Ткачёвы, Александр Михайлов, Николай Бурляев.

Журнал стал средоточием русской национальной мысли, все ведущие русские мыслители, от Льва Гумилёва до Сергея Кара-Мурзы, печатали в “Нашем современнике” свои самые важные работы, к нему тянулись отечественные политики, заинтересованные в связи с русским читателем: Геннадий Зюганов, Сергей Бабурин, Сергей Глазьев...

Этим живым нервом, живым центром неутихающей русскости в самом журнале уже двадцать пять лет остаётся верный и надёжный Станислав Куняев.

Куда ж без него? Я давно заметил, с первых лет его работы в журнале, есть в нём, кроме таланта поэта и публициста, таланта организатора, ещё и неугасающий азарт ценителя литературы. Он зажигается, когда видит цельное, крупное и национально русское дарование. Будь это яркая публицистика Игоря Шафаревича, в России открытая именно “Нашим современником” (вспомним его классическую “Русофобию”), статьи Вадима Кожинова, Льва

Гумилёва, откровения Александра Зиновьева или же проза метафориста Александра Проханова, словесного колдуна Владимира Личутина и даже одно из солженицынских “Колёс”, и даже историко-монументальные, вполне аристократические воспоминания Ильи Сергеевича Глазунова, и даже дерзкие рассказы боевого Эдуарда Лимонова, и проза Юрия Полякова...

Неслучайно именно в “Наш современник” принёс свою “Пирамиду” незадолго до смерти Леонид Леонов, зная, в этом журнале она не пропадёт. “Пирамида” поддержала тогда, в сложнейшем 1994 году и сам журнал. В этот сражающийся журнал принёс свою “Третью правду” Леонид Бородин, своего “Сергия” Дмитрий Балашов. Ему доверяла свою сокровенную правду Вера Галактионова. Росло вокруг куняевского журнала уже и новое поколение: Александр Сегень, Андрей Воронцов, Вячеслав Дёгтев, Марина Струкова, Евгений Семичев, Диана Кан, Светлана Сырнева...

Конечно же, традиционный формат канонического реалистического “Нашего современника” был Куняевым дерзко нарушен, и не раз. Явно не вписывались в привычные форматные рамки почвеннического деревенского журнала ни феерический Проханов, ни мистический Личутин, ни надмирный Юрий Кузнецов, не подошли бы викуловскому журналу ни монархист Глазунов, ни воинствующий сталинист Владимир Бушин. Но в этих нарушениях канона журнал формировал новый национальный русский канон. Куняев не боится открывать новые миры, новые явления, если они укладываются в русский боевой порядок. В конце концов, и новые имена из новых поколений, сменяющие друг друга, от Петра Паламарчука и Александра Сегеня до размашистой Марины Струковой всё так же прокладывают дорогу большой русской литературе.

Я видел, как загорелся огонь в глазах Станислава Куняева, когда он прочитал ещё первые дерзкие, яркие опыты Захара Прилепина. Понял Станислав, что, в отличие от иных наших осторожно-трусливых попутчиков, воспевающих за неимением таланта лишь свою русскость, затащит он этого молодого талантливого русского лидера в свои авторы. Так и случилось, и публикуемый ныне в “Нашем современнике” прилепинский роман “Обитель” — достойное продолжение русской национальной литературы. Всё лучшее в русской национальной литературе, за редким исключением, за эти двадцать пять лет было опубликовано именно в этом журнале.

Да и сам он всё такой же дерзкий и грандиозный в своих замыслах. Сочетание трезвого расчёта, литературного чутья, хорошего вкуса и смелости в достижении цели — вот что такое Станислав Юрьевич Куняев. Можно по-разному относиться к его последним книгам. Но даже самые злобные его оппоненты не скажут, что это уже “слабоумные потуги восьмидесятилетнего старца”. Его большой друг и, в какой-то мере, мудрый наставник Вадим Кожин, обращаясь к Куняеву, утверждал: “И поверь мне — я знаю, — что твоя мудрость, мужество и нежность, воплощённые в твоих словах и деле, останутся как яркая звезда на историческом небе России”. Это относится уже не просто к писателю Куняеву и даже не к редактору журнала, а к самому явлению “Нашего современника”, и ныне яркой звездой сияющему в небе России.

Станислав Юрьевич — большой эстет, и его журнал, может быть, самый эстетский журнал из всех литературных “толстяков”. Он ищет достойные произведения по всей России, ради журнала врывается в высокие кабинеты областных начальников, и журнал живёт назло всем своим врагам.

Впрочем, его творческий дух царит во всей его жизни. Когда-то его судьбу определило стихотворение “Добро должно быть с кулаками”. Мне надоело слышать, что эта мысль была подсказана Михаилом Светловым. А Гоголю подсказывал Пушкин, а Лермонтову — Байрон. И так далее. Кто пишет, тот и побеждает. Стихотворение “Добро должно быть с кулаками” — куняевское, потому что именно оно предсказало дерзкое и мужественное начало всей его жизни, оно определило и двадцатипятилетие журнала “Наш современник”. То ли журнал помогает ему и дальше так дерзко писать, то ли эти дерзкие писания помогают ему сражаться за журнал, но за все эти двадцать пять лет руководства журналом он и сам как писатель, оставался в самом центре литературной жизни. Да, он по-своему дерзко, сам отошёл от поэзии. На такой поступок тоже нужна смелость. Сколько дряхленьких поэтов продолжают до самых преклонных лет писать беззубые, лишённые энергии стихи. А Станислав Куняев сказал о себе: “Так случилось, что моё творчество разделилось на три русла. Первые мои стихи были опубликованы, наверное, в 1956 году,

но с тех пор прошло 50 с лишним лет. Я-то думал, что всю жизнь буду поэтом, а не получается. Как писал Александр Сергеевич Пушкин (он писал это в 36 лет): “Лета к суровой прозе клонят, / Лета шалунью рифму гонят, / И я, со вздохом признаюсь, / За ней ленивей волочусь...” Если уж великий Александр Сергеевич чувствовал, что с поэзией придётся рано или поздно расстаться, то нам грешным сам Бог велел... Более того, я даже объяснил себе, почему. Я вдруг почувствовал, что начинаю повторяться. Пошли какие-то клише, ремейки. Чувства, страсти, мысли те же самые, но в каком-то ослабленном варианте. А зачем плодить копии, когда у меня есть оригиналы? Заняться есть чем. Есть публицистика, история, мемуары. Второе русло спасло меня от осознания своего бесплодия. Я быстро переключился на другие жанры и тем самым спас себя как творческого человека...” Да, это поступок! Всякий ли способен на такое? А прирождённый эстетический вкус позволяет ему определять, в каком жанре он особенно силён.

Если о первой половине XX века внимательный читатель узнавал часто впервые из мемуаров Ильи Эренбурга “Люди. Годы. Жизнь”, то вторую половину этого века для многих и нынешних, и будущих читателей будут определять, несомненно, мемуары Станислава Куняева “Поэзия. Судьба. Россия”, написанные с художественным блеском, с присущей ему всегдашней остротой и полемичностью и с доскональным знанием глубин литературного процесса.

Возьмите его размышления о Серебряном веке. Во-первых, чтобы так его разбирать, надо прекрасно знать поэзию Серебряного века. Чтобы воевать с великанами, надо и самому быть не коротышкой. Во-вторых, по какому-то космическому замыслу, он и на самом деле прав: декаданс – есть декаданс, но все наиболее талантливые поэты из этого декаданса благополучно вырвались, от Ахматовой с её трагическим “Реквиемом” до Владимира Маяковского с его стратегическими поэмами, от Сергея Есенина, забывшего о своём имажинизме, до Александра Блока с его “Двенадцатью”. Ну, а в-третьих, любой интересный разговор на эту тему творчески состоятелен. Интересно, что на такую глобальную тему Станислава Куняева натолкнула судьба убийцы Николая Рубцова Людмилы Дербиной, вобравшей в себя все мыслимые и немыслимые комплексы декадентства, что в каком-то смысле и послужило причиной трагедии.

Или его книга “Жрецы и жертвы Холокоста”, вызвавшая большой интерес, и не только в России. Он полемист по натуре, мне кажется, ему даже нравится полемизировать. Но кроме полемики, надо признать, что “Жрецы и жертвы Холокоста” написаны грамотно, с прекрасным знанием материала, с пониманием вопроса. А книга “Шляхта и мы” – это разве не вызов одного яркого человека бешеной либеральной машине? И опять же, кроме вызова как такового, читателя подкупает ещё и предельная аргументированность: оспорь, коли можешь, кто же мешает?! Нет, никак в разряд скучных старческих размышлений его энергичные, пассионарные культурные и эстетические вызовы не попадают.

“Шляхта и мы” была впервые опубликована в майском номере журнала “Наш современник” за 2002 год, и эта публикация всколыхнула всё польское общественное мнение: “Польша бурлит от статьи главного редактора “Нашего современника”, – свидетельствовал местный автор. – Польские газеты и журналы начали дискуссию о самом, наверное, антипольском памфлете со времён Достоевского <...> Куняева ругают на страницах всех крупных газет, но при этом признают: это самая основательная попытка освещения польско-русской темы...” И может быть, хватит нам паталогически радостно унижаться перед не стоящими нас оппонентами и завистниками? Кстати, это относится не только к русским, но и к евреям, уничтожаемым поляками даже с бóльшей радостью, чем немцами. Я бы на месте израильских политиков давно переиздал “Шляхту и мы” в Израиле. В России книга стала историческим бестселлером, много раз переиздавалась.

И каждый раз я вижу величие замысла в весьма оригинальном и нетривиальном исполнении.

Вот и публикуемая сейчас первая книга о великом трагическом русском поэте конца XX века Юрии Кузнецове наверняка вызовет интерес в литературном мире. Это опять не просто воспоминания Станислава Куняева о своём давнем друге, а неожиданные, спорные, отнюдь не фимиамные размышления о большом и сложном, неординарном поэте. Я прочитал книгу залпом.

Всё-таки это, как всегда, блестящая публицистика Куняева! Прежде всего, в памяти сразу возник образ живого Поликарпыча. Не некий памятник или поминальная молитва, не житие мученика, а весь он, сотканный самой эпохой из противоречий. И прекрасно, что Куняев эти его противоречия не скрывает, они не роняют честь и значение поэта, но помогают лепить его живой образ. Был же у Юрия Кузнецова и свой “морок”, свои демонические погружения, чем он мне всегда напоминал моего любимого Михаила Лермонтова. Советую всем ценителям русской поэзии прочитать новую книгу Куняева. Это не просто воспоминания давнего приятеля, не просто мемуары; это попытка всерьёз понять путь великого поэта. Попытка эта явно удалась!

К тому же, кроме яркого образа русского поэта Юрия Кузнецова, в работе возникает неразрывно связанный с Кузнецовым образ журнала “Наш современник”. Надо признать, что не будь этого журнала в его куняевской версии, страшно даже подумать, сумела ли бы Россия достойно оценить великий дар поэта Юрия Кузнецова ещё при его жизни. Только Станислав Куняев, тонко чувствующий поэтический гений своего друга, сумел без лишней ревности и без ненужного обожествления создать воистину живой образ последнего национального поэта России XX века. Это его памятник Юрию Кузнецову.

Очень верно сказал о Куняеве мой друг Александр Проханов: “Куняев – мессианский человек. Он – весталка, охраняющая священный огонь Победы сорок пятого года, этой грандиозной вспышки, осветившей всё мироздание, озарившей пути человечества на сотни веков вперёд. В этом грандиозном тигле, среди непомерных температур и давлений, возник драгоценный слиток русского и советского. Советское предстало как продолжение неиссякаемого русского. Белые и красные энергии, доселе враждовавшие и сражавшиеся, теперь, окропленные кровью, предстали как нераздельные. Победа сковала разорванную цепь времён. Победа одухотворила небывалую культуру, в которой русское чаяние рая, одоление зла, русское, страстное, до безумия, взыскание справедливости получило прямой выход в космос. Православно-религиозное и советско-космическое обнаружили своё глубинное сходство.

В Куняеве, в его любящем, мятежном, ищущем сердце произошёл этот потрясающий синтез, и он несёт в себе это чудо по сей день, сберегая его среди всех бед и напастей. Он всю жизнь сражался с той могучей и страшной силой, которая напала на Россию в начале века и стремилась превратить её в красную Иудею...”

Это слова не только о писателе и поэте Станиславе Куняеве, но и о хранителе священного огня русской национальной литературы, а именно – о главном редакторе “Нашего современника”.